

Ксения Флос

Лисья
маска
под
Чашкой
кофе

コーヒークップの下の狐の仮面

Ксения Флос

Лисья маска под чашкой кофе

<https://litres.ru/73958564>

SelfPub; 2026

Аннотация

Хасу — последняя кичунэ. Она заваривает кофе, который лечит душу, и прячется среди людей. Но однажды на пороге появляется незнакомец в чёрном. Он знает её имя и секрет. Он предлагает защиту от древней ёкай Тамамо-но-маэ, которая хочет её убить.

Вместе они бегут через миры: лес магических зверей, пещера Ёми, город демонов. Он обещает её защищать, но в его крови спрятана правда, которая убьёт их обоих.

Ксения Флос

Лисья маска под чашкой кофе

Глава 1

Хасу стояла возле барного стола и готовила кофе для посетителя.

Тот был старенький — лет шестьдесят, седой. Стоял и ждал, когда его кофе будет готовым. Он захаживал сюда часто, потому что знал: у дорогой Хасу кофе выходит особенное. Оно успокаивало его, когда мир давил со всех сторон, и после её «Лавки розовой лисицы» он уходил с облегчением, будто того груза, который нёс на плечах камнем, не было вовсе.

Вскоре его любимый напиток «Тишина бури» был готов. Хасу пододвинула чашку к старику. Белый пар медленно поднимался над молочной гладью кофе, сворачиваясь в маленькие спирали.

— Благодарю тебя, Хасу-сан, — поклонился он, чуть согнув спину, и тепло улыбнулся. — У тебя всегда превосходный кофе.

Хасу ответила лёгким поклоном, едва заметно улыбнулась и кивнула без лишних слов.

За окном у входа стояло дерево. На нём медленно, лепе-

сток за лепестком, распускались нежно-розовые цветы. Ветер сдувал их, и они кружились в воздухе, прежде чем упасть в маленькую лужу у порога. Их сладкий запах доходил даже до барной стойки, а с приходом дождя этот аромат становился гуще и тяжелее. Капли стучали по широким оконным рамам, и этот звук смешивался с тихим шипением кофемашины.

Люди заходили понемногу. Внутри стояло всего пять столов, но каждый, кто выпивал чашку кофе, уходил другим человеком. Кто-то с лёгкой улыбкой, кто-то с пустым, спокойным взглядом, будто выгрузил всю тяжесть на плечах и оставил здесь. В этой уютной лавке.

Хасу знала это. Она даже не столько знала, а чувствовала эмоции людей. Хитрая, проницательная. Могла подать обычный кофе, но с секретными специями под каждое настроение клиента. Если человек приходил злой, она добавляла немного мяты и корицы — они остужали гнев. Если грустный, то щепотку сушёной цедры юдзу, которая возвращала светлую память вместо тяжёлых мыслей. В этом она никогда не ошибалась.

Потому что была древней кицунэ.

Люди считали, что кицунэ — это зло, что это дух. Да, дух, но не зло. Кицунэ делились на два типа: добрые и злые. Добрых лис создала сама богиня Инари, их называли дзэн-ко. Злых называли яко. Хасу относилась к первому варианту. Они приносили благодать, но даже хороших в народе давно

считали плохими. А ведь раньше было иначе. Раньше люди и кицунэ-дзэнко жили в мире, но всё переменялось из-за одной хитрой и лживой кицунэ-яко.

Её звали Тамамо-но-Маэ.

В древности та влюбила в себя императора Японии, и тот повёлся. Мечтал сделать её своей женой, не понимая, что она медленно высасывает из него жизнь. Каждую ночь она забирала по капле его силы, а он слабел, не замечая этого, думая, что это просто усталость. Пока к нему не пришёл охотник на демонов и не раскрыл правду: она не простая кицунэ, а ёкай. Император приказал убить её. Но Тамамо сбежала в мир мёртвых. Зная характер людей, что они не умеют различать добрых и злых кицунэ, смогла распустить слух, что все кицунэ такие же, как она, что они пьют жизнь людей и притворяются добрыми. Император, ослеплённый страхом и гневом, поверил ей. Он приказал охотникам уничтожить всех кицунэ без разбора, добрых и злых.

Так началась охота.

Хасу осталась одной из немногих кицунэ-дзэнко Инари. Ей пришлось скрывать свою сущность так, чтобы люди не догадались. Лавка её существовала уже давно. Меняла названия, переезжала, и каждый день к ней приходили люди, многие становились постоянными. Но если кто-то узнавал, что она лиса, если она чувствовала, что её хотят убить или выследить — она мгновенно меняла локацию. Собирала специи, заворачивала чашки, закрывала дверь и исчезала, и на-

звание лавки-кофейни тоже меняла.

Сейчас она стояла в городе Киото, в тихом переулке среди маленьких магазинчиков и кафешек. Снаружи никто не нашёл бы её, если бы не знал, куда смотреть. Табличка была маленькой, деревянной, с выжженной розовой лисицей, свернувшейся клубком.

Её лавка была не просто кофейней, ещё и домом. На первом этаже она принимала клиентов, на втором жила. Там спала, там могла принимать свой настоящий облик. Днём такого позволить себе не могла, но хвосты скрывала так искусно, что люди не могли понять. Она была могущественной кицунэ. С каждым новым хвостом приходила и новая сила, а ещё — мудрость. Хасу могла видеть то, что скрыто от людей. Чувствовать, где ложь, а где боль, и никогда не ошибалась в своих клиентах.

Её девять хвостов могли принимать облик белых кошек. Те иногда приходили к ней из родного мира — Такамагахара, где жили своей жизнью, но заходили и сюда. Хасу угощала их молочком за службу. Считай, она стояла одной ногой в мире духов, другой — среди людей. Эти хвостатые ходили в её мир разведчиками: узнавали, что там происходит, о чём шепчутся драконы и духи.

А ещё её кошки были успокоителями для людей. Сиделись на колени, и те гладили их, и грусть проходила, уныние таяло. Человек мог сидеть с кошкой на коленях целый час, не говоря ни слова, и уйти с ясной головой. Кошка же по-

том просто отряхивалась, зевала и уходила на второй этаж — спать.

Скоро закончится смена. Хасу заранее убирала со столов, аккуратно ставила чашки на полки. Ложки звенели о фарфор, и этот звук разносился по пустеющему залу. Иногда заходили покупатели за специями или приправами для супов, для разных блюд. Она любила чистоту и аккуратность. Могла бы обойтись и без тряпки, навести порядок одной магией быстро, но она находилась в мире людей: чтобы не спалиться, брала тряпочку и вытирала всё тщательно, по-человечески. Сначала стойку, потом полки, потом каждую баночку с сиропом — протереть от пыли.

Дождь продолжал стучать в широкие окна лавки. Барная стойка пахла разными специями от корицы до молотого чеснока. За стойкой стояла полка, где аккуратно выстроились в ряд все баночки. Её специи были необычными: в каждой жило своё настроение, и каждая применялась для своей цели: куркума для тепла, корица для мягкости, бадьян для памяти, чёрный перец, чтобы разбудить того, кто уснул душой.

Хасу услышала мяуканье, когда вытирала нижнюю полку. Там стояли сиропы: карамельный, клубничный, малиновый, вишнёвый, банановый и другие. Она подняла взгляд: кошка уже запрыгнула на другую стойку и замурлыкала. Белая, пушистая. Хасу погладила её за ушком, за шейкой, потом по спинке. Кошка прикрыла глаза и замурлыкала громче.

— Я же только вытерла барный стол, а ты сюда залезла, —

сказала Хасу ласково, почти шёпотом. — Иди в свою комнату, я тебе молочка налила.

Кошка мяукнула коротко, по-деловому, и спрыгнула на пол. Белое тельце исчезло в лестничном проёме, ведущем на второй этаж.

Хасу продолжила вытирать барный стол, где только что натоптали пушистые лапки. Читать мысли кошки она пока не хотела. Решила отложить на потом, когда уйдут посетители, что сидели за столами. Один допивал американо и смотрел в телефон, вторая, молодая девушка, сворачивала бумажный стаканчик в трубочку, задумавшись о чём-то своём.

И тут в кофейне зазвучал колокольчик.

Дзиииииннь.

Открылась дверь.

Внутри зашёл мужчина, весь в чёрном. С его мокрого плаща на пол закапала вода. Плащ элегантно лежал на плечах, тяжёлый, намокший. Лицо скрывала широкая чёрная шляпа, в руке он держал костыль, ручка которого была выточена в форме дракона с закрытой пастью и длинной шеей, изогнутой кольцом. По внешности сразу понятно: иностранец.

Он медленно подошёл к барной стойке. С каждым шагом по деревянному полу разносился глухой стук его лакированной чёрной обуви.

Глаза посетителей уставились на него. Мужчина среднего возраста с американо перестал листать телефон. Девушка замерла со стаканчиком в руке. От мужчины веяло загадоч-

ностью и какой-то древней тайной.

Хасу на миг замерла с тряпкой в руке. Внутри неё зародился чужой, древний страх. Она не понимала, откуда он пришёл, но смутное чувство было знакомым.

По деревянному полу застучала его обувь, остановилась у стойки.

Он поклонился. Хасу, чтобы не выдать страх, гордо склонила голову в ответ — слегка, как требовал этикет. Её пальцы чуть сжали тряпку, но она заставила себя положить её на край стола и выпрямиться.

Чужак поднял голову. Из тени шляпы не было видно глаз, но свет упал на его губы — тонкие, но чуть припухлые, розоватые, изящно прочерченные, будто их рисовал самый искусный мастер-художник.

— Добрый вечер, — сказал он. Голос низкий, спокойный, без напряжения. — Я слышал от людей, здесь находится очень хорошая кофейня, мне указали на вашу лавку. Говорят, вы готовите превосходный кофе.

— Так и есть, гайдзин, — уважительно улыбнулась Хасу. В голосе не было ни намёка на дрожь.

— Тогда сделайте мне, пожалуйста, самый вкусный кофе. — Он чуть наклонил голову.

— Хорошо.

Она принялась за дело.

Её кошки, что лежали на подоконнике у окна, тихо зашипели. Три белые тени поджали хвосты и прижали уши, будто

чувствовали в нём нечеловеческую силу. Чужак посмотрел на одну из них, та зашипела громче, потом мяукнула резко и тревожно. Шерсть на её спине встала дыбом.

Он перевёл взгляд на людей за столами. Те, поймав его взгляд, опустили глаза. Кто-то уставился в окно, кто-то в свою чашку. Мужчина среднего возраста заерзал, сделал последний глоток и начал собираться.

Хасу взяла с верхней полки куркуму, корицу, цикорий и семена льна. Насыпала по чуть-чуть в сотейник, налила кокосовое молоко. Добавила карамельный сироп, ровно две капли, чтобы дать сладость, но не перебить горечь. Делала всё без дрожи в руках, будто этот клиент ничего для неё не значил, а имело значение только сама работа, само действие. Она даже не поднимала взгляд, когда тот пристально следил за тем, как профессионально она варит кофе. Она чувствовала его взгляд, но не позволила себе ни одного лишнего движения.

Всё сыпала на глаз. Щепотка — туда, полщепотки — сюда. Размешала деревянной ложкой по часовой стрелке, потом против — для баланса.

И когда кофе был уже почти готов, Хасу незаметно добавила одну специю. Она называлась «Слеза Инари». Маленькие звёздочки бадьяна, высушенные особым способом — в тени, при свете луны, когда никто не видит. Для людей это был просто бадьян: раскрывает сладость, похожую на анис, согревает горло, но для сущности из другого мира этот вкус

становился отвратительным. Горечь, которая лезет изнутри. Хасу нужно было проверить, понять, почему в этом чужаке такая пугающая сила.

Она пододвинула чашку к краю стойки.

— Ваше кофе готово, — сказала она.

— А что за кофе вы сварили? — спросил он, взяв чашку в обе руки.

— «Золотое латте».

— Интересно, — ухмыльнулся он совсем слегка, одним уголком губ. В этой ухмылке не было ничего злого. Скорее спокойное любопытство, как у кота, который смотрит на мышь, но не потому, что хочет съесть, а потому, что ему просто интересно.

Он склонил голову, взял чашку и молча сел у окна на свободное место. Поставил костыль рядом с собой, прислонив к стене. Лица Хасу всё ещё не видела: он сидел вполоборота, и свет падал только на спину.

Хасу выдохнула с облегчением, но страх всё равно чувствовался откуда-то издалека. В груди остался холодный комок, который не проходил. Она смотрела, как он сначала принялся к кофе, потом подул на поверхность, потом сделал первый глоток. Медленно и со вкусом.

Ни одна мимика не дрогнула на его лице.

Ни та, что сказала бы: «Я не из этого мира». Ни та, что выдала бы: «Кофе хорош».

Ни отвращения от «Слезы Инари».

Ни удовольствия. Ничего.

Он просто пил и смотрел в окно на мокрое дерево с розовыми лепестками.

Хасу замерла на секунду, потом медленно взяла тряпку и продолжила вытирать стойку.

Глава 2

В кофейне не осталось никого, кроме незнакомца в чёрном плаще.

Свет тускло освещал пространство — мягкие лампы над барной стойкой горели приглушённо, но достаточно, чтобы разглядеть каждую деталь: трещинку на старой деревянной стойке, потёртости на подлокотниках стульев.

Посетители уже покинули лавку-кофейню, расплатившись с ней и оставив чаевые. Они не жалели для Хасу монет — особенно седовласый дедушка. Тот был щедр всегда.

Незнакомец сидел у окна и смотрел на улицу. Дождь всё так же теребил по стеклу — мерно, убаюкивающе. Капли скатывались вниз, оставляя за собой мокрые дорожки, и при свете фонаря за окном они блестели.

Кошки уже давно убежали наверх — всем скопом, поджав хвосты и наострив уши. Они не хотели находиться рядом с этим человеком. Хасу заметила это: ни одна из её белых хвостатых не осталась в зале.

Хасу после ухода посетителей убирала столы. Она собира-

ла чашки, относилa их к барной стойке, протирала столешницы. В одной руке — чашка, в другой — чёрная тряпочка. Двигалась плавно, без лишних звуков. Когда она дошла до стола незнакомца, его чашка уже стояла пустой до самого доньшка, ни капли не осталось.

— Могу ли я забрать вашу чашку? — спросила она, чуть склонив голову и поклонившись. Голос ровный, спокойный — ни намёка на тревогу.

— Да, забирайте, — ответил он, отстранившись от окна.

Он достал из кармана плаща золотую монету и положил на стол, потом поднялся. Плащ мягко скользнул по спинке стула.

— Ваше «Золотое латте» было необычно вкусным, — сказал он. — Я бы даже сказал, превосходным. Не зря мне посоветовали вас.

Он сделал паузу. Губы чуть изогнулись.

— До встречи... Хасу.

Сказал он, и на его лице отразилась хитрая ухмылка. Его шляпа чуть приподнялась, и на миг из-под неё показались глаза — тёмные, глубокие, но цвет глаз всё так же был неразличим.

Он прошёл мимо неё — медленно, неспешно и вышел из лавки.

Дзiiiiинннь.

Колокольчик над дверью издал короткий, звонкий удар.

И когда за ним полностью закрылась дверь, когда его чёр-

ный силуэт растаял за мокрым стеклом, Хасу выдохнула, будто отпускала страх, который сжимал горло всё то время, пока незнакомец сидел в её зале.

Когда она стояла рядом с ним, когда забирала чашку, страх усилился, но её больше озадачило другое: когда он пил кофе, на его лице не промелькнуло ни одной эмоции. Будто он вообще не чувствовал вкуса. Ни горечи, ни сладости, ни пряного послевкусия.

Он не сказал, что кофе горький, не поморщился. Наоборот — ему понравилось.

Кому понравится горечь, предназначенная для чужих?

Хасу поставила чашку на поднос и замерла, глядя на закрытую дверь.

Одна из кошек, почувствовала, что незнакомца больше нет, и спустилась с лестницы. Подошла к хозяйке, потёрлась о её лодыжку. Хасу машинально наклонилась, погладила её, но мысли были далеко.

— Кто же он тогда? — задумчиво сказала она, почти шёпотом. — От него веяло... страхом. Но он не пришёл из мёртвого мира и не из моего. Хм... Кто же он тогда?

Она нахмурилась и продолжила вытирать стол круговыми движениями.

Когда все чашки были собраны, а столы протёрты, Хасу подошла к двери и перевернула табличку. Деревянная пластинка с надписью «Open» повернулась другой стороной — «Close».

Рабочий день завершён.

Теперь можно отдохнуть.

Она закрыла окна деревянными жалюзи — одно за другим, с тихим стуком планок. Потом заперла дверь на тяжёлый засов и выключила свет в зале. Лампы погасли. Только тусклый отсвет из кухни падал на пол узкой полоской.

В зале стало темно.

Но для лисицы эта темнота не была чёрной. Она была светлой — как сумерки. У кицунэ хорошее зрение, лучше, чем у любой кошки. Хасу могла разглядеть даже тонкую паутинку в углу потолка, которую забыла стереть на прошлой неделе.

Она могла помыть посуду в полной темноте, что и сделала.

Холодная вода потекла из-под крана. На самом деле она была чуть тёплой в доме сохранялось дневное тепло, но для её рук, привыкших к магии и специям, даже эта прохлада казалась лаской. Она перемыла все чашки, аккуратно поставила их на настольную посудницу, сполоснула тряпку, повесила сушиться.

Потом вытерла руки о мягкое полотенце и пошла к себе наверх.

Поднимаясь по лестнице, Хасу запустила пальцы в волосы и распустила высокий пучок. Белые пряди упали на плечи, на спину — тяжёлой, прохладной волной и доходили почти до копчика.

— Свобода! — выдохнула она с облегчением.

Наверху она открыла дверь в свою комнату и шагнула внутрь.

Воздух здесь был другой — спокойный, родной. По центру комнаты стоял низкий стол из тёмного дерева, а по бокам лежали дзабутоны из дорогого шёлка, привезённого из Китая. На подушках были вышиты розовые розы — крупные, яркие, с зелёными листьями, будто живые. Слева от стола спальня отделялась сёдзи — бумажными перегородками на лёгкой деревянной раме. За ними стоял голубой футон, где Хасу спала.

В комнате пахло свежестью, мокрой корой, чем-то сладким, что приносил ветер с цветущих деревьев.

Хасу подошла к окну и раздвинула ставни.

Ночное небо открылось перед ней во всей красе. Полная луна; круглая и белая висела высоко. Вокруг неё россыпью горели звёзды. Не как в горах — плотно и ярко, но достаточно, чтобы комната наполнилась серебристым светом.

Она вздохнула. Устало и по-настоящему и вгляделась в полумрак за окном.

Где-то там, в тени уличного фонаря, ей почудилась тёмная фигура. Хасу почувствовала чей-то тяжёлый взгляд направленный прямо на неё. Но когда она помотала головой и присмотрелась снова, там уже никого не было.

— Скорее всего, я устала, — тихо сказала она про себя.

Она закрыла ставни и вернулась к столу. Села на подушку, поджав под себя ноги.

Здесь, наверху, она могла быть собой, не притворяться, что она просто женщина с необычным кофе. Здесь она могла применять магию без оглядки на случайного свидетеля.

Хасу протянула руку вперёд и изящно, будто в танце, провела пальцами по воздуху. Белая волна вытекла из её ладони. Она отделилась от руки, скользнула за дверь и исчезла в темноте кухни. Через несколько секунд Хасу услышала тихое шипение — это магия включила чайник.

Она была уставшей. Будто вечность проработала на самой трудной работе в мире, но эта усталость была радостной. Ей нравилось служить людям, помогать, читать их эмоции, подбирать под каждое настроение нужный сорт кофе и нужные специи — это было её призванием.

За такой талант её любили и уважали. Даже те, кто не знал, кто она на самом деле.

Хасу закрыла глаза и откинула голову назад. Волосы рассыпались по полу — белые, как первый снег. Она потёрла веки, будто только что проснулась, и снова выпрямилась.

Она протянула руки к чашке, которая уже стояла на столе, её магия успела заварить чай. Внутри была смесь из имбиря для успокоения мыслей, сока сакуры для ясности, свежесжатого мультифрукта и капельки карамельного сиропа для мягкости.

Из чашки поднимался пар. Хасу сделала глоток.

Горячий чай обжёг кончик языка, но для неё это было не больно. Наоборот, тепло разлилось по телу, успокаивая, за-

ставляя забыть про усталость, будто кто-то мягко накрыл её одеялом.

И она почти забыла, что сегодня происходило, даже про странного незнакомца.

Хасу поставила чашку на стол и посмотрела на дверь. Там, на пороге, сидела одна из её кошек — та, что пришла из Такамагахара. Хасу позвала её лёгким кивком, и кошка тут же подбежала к хозяйке и запрыгнула на колени мурлыкав.

Хасу гладила её за шейку мягко, длинными движениями и закрыла глаза. Она коснулась мыслей кошки, и перед внутренним взором поплыли картинки.

Вдали показался дворец Инари — белые стены, золотые крыши, ступени, уходящие в небо. Хотя в мире духов не было ночи в привычном смысле только вечный дневной свет.

Кошка пробралась внутрь. В большом зале собрались духи.

— Что ему нужно? — спросила дракониха Мияко. Она пока что была главной во дворце Инари — высокая, с белыми до пят волосами и голубыми глазами, похожими на цвет неба.

— Мы не знаем, — ответили двое близнецов — посланники о-цукэмоно. У них не было внешней оболочки. Они выглядели как сгустки воздуха, чуть более плотные, чем обычно, парили над землёй и говорили в унисон. Они служили

дворцу с самого его основания и были преданы богине до последней искры.

— А что он ищет? — не унималась Мияко. — Вы спросили у главного бни? И кто он вообще такой?

На её лице была не только тревога, в её глазах читался страх. Рядом с ней стояли другие драконы. Один из них, Тацуя, молчал, но его лицо было хмурым. Он не был зол, но сильно беспокоился за услышанные новости.

— Это была Тамамо-но-Маэ, — сказали духи. — Она ищет последнюю дзэнко-кицунэ.

В зале повисла тишина. Тацуя поднял взгляд на духов. Теперь его лицо было каменным, хмурость ушла, а Мияко держалась из последних сил, но чувствовала, как земля уходит из-под ног.

— Но всех же кицунэ перебили... — Тацуя отвёл взгляд в сторону, в задумчивости. А потом до него дошло. — Неужели... — Он осознал свой шок. — Неужели осталась последняя кицунэ из нашего мира?

— Зачем она хочет её уничтожить? — спросила Мияко, уже приходя в себя.

— Мы этого не знаем, Ваше величество, — ответили духи.

Мияко выпрямилась во весь рост. Её голос зазвенел, как натянутая тетива.

— Надо срочно её найти и защищать всеми силами. Если Тамамо захватит последнюю кицунэ и убьёт, мы останемся

без той, кто будет главенствовать над дворцом Инари, и ещё мы можем погибнуть.

Она сделала паузу.

— И тогда наступит разрушение. Хаос во всём мире. Даже в нашем. Вот почему наш мир до сих пор держится.

Тацуя добавил тише, почти про себя:

— Мы думали, что мир держится на инерции, но мы ошибались...

Хасу открыла глаза.

Она уставилась в одну точку на стене на маленькую трещинку в штукатурке, которую раньше никогда не замечала. В голове гудело.

Тамамо ищет её.

Последнюю дзэнко-кицунэ.

Чтобы разрушить гармонию, которую несли все кицунэ. Вот почему духовный мир до сих пор держался, потому что она, Хасу, жива. А она об этом даже не знала.

Она ещё была маленькой, когда жила при дворце Инари. Помнила мраморные полы, прохладные даже в самый тёплый день. Помнила, как богиня гладила её по голове. Потом Хасу начала жить среди людей, когда уже повзрослела, когда научилась скрывать хвосты и притворяться.

Ей с детства нравилось смотреть на людей. На их настроение, на их жизнь. На то, как они рождаются и как умирают.

Всё-таки у людей короткая жизнь, не то что в духовном мире, где века тянутся как одна долгая ниточка.

Хасу, когда смотрела на людской мир, хотела их защитить. Дать им радость, хотя бы маленькую.

Но из-за того, что император из-за своего слепого страха приказал охотникам уничтожить всех лисиц и неважно, кто это будет, добрая или злая кицунэ, охотники сделали своё дело. В живых остались лишь яко. А дзэнко и другие дети Инари — никого.

У Хасу пропало доверие к людям, но всё равно даже из-за предательства, даже из-за страха она их любила. Несмотря ни на что. Когда она делала маленькую радость кому-то из них, ей становилось радостно самой.

По щеке пробежала слеза.

Хасу смахнула её тыльной стороной ладони. Она не могла вернуться в духовный мир. Если она попадёт туда, её убьют и лучше ей быть среди людей, скрывая свою сущность, чем показывать её открыто.

Чай давно остыл.

Она встала с подушки. Стянула с себя красное кимоно с золотой прошивкой — ткань мягко скользнула по плечам и упала на пол. Потом сняла воротник нага-дзюбан, пояс, нижние слои. Осталась только в белой короткой рубаше, которая доходила почти до колен.

К ней подошли кошки — три, пять, семь. Они появлялись из углов комнаты, спрыгивали с подоконника, выползали из-

под стола. Одна за другой они сливались с её телом, исчезая в коже, в спине, принимая облик хвостов.

Хасу выгнулась.

Это не было больно. Даже в детстве, когда она впервые приняла лисий облик, это не причиняло боли. Только щекотка, как если бы тысячи маленьких пёрышек прошли по всему телу и ещё ощущение, что пол стал ближе к носу.

Позади неё распустились хвосты.

Не один не два, а девять.

Белые и пушистые. Они двигались сами по себе. Медленно и плавно.

Рубаха упала на пол.

Хасу взяла её зубами аккуратно, за краешек и потащила в спальню. Своей магией открыла сёдзи и так же закрыла их плотно на ночь.

В спальне было темно и прохладно. Футон стоял в углу — голубой, мягкий, с высокой подушкой.

Хасу сначала походила вокруг него три круга, как делала всегда, и только потом мягко улеглась. Хвосты развернулись и укутали всё её тело, как пуховое одеяло. Тепло, надёжно и уютно.

Вскоре Хасу уснула.

На улице было пусто. Ни души.

Только мягкий стук шагов по мокрому асфальту.

Незнакомец в чёрном стоял в углу закрытого магазинчика напротив кофейни. Он следил за тем, как кицунэ потушила свет на первом этаже, закрыла жалюзи на окнах, а потом погасила свет и на втором.

Он стоял неподвижно, как статуя. Только глаза двигались. «А зачем ей закрывать окна? — подумал он. — Для чего?»

На его губах снова появилась та же ухмылка — хитрая, спокойная, опасная.

Он развернулся и пошёл по каменному асфальту. Шляпа низко надвинута на лицо. Плащ тихо шуршал при каждом шаге.

Вскоре он вышел на бетонную дорогу, где уже почти не было машин. Только редкие фары прорезали ночь и снова исчезали.

Глава 3

Солнце уже поднялось достаточно высоко, чтобы золотистые лучи заглядывали в щели между ставнями и ложились тонкими полосками на татами. Она оделась: сначала нижние слои, потом рабочее кимоно, сверху розовое, с золотой прошивкой. Ткань приятно облегла плечи, пояс был затянут ровно настолько, чтобы не жать, но и не болтаться.

Её кошки-хвосты уже гуляли по кофейне и по комнате. Она, прислушиваясь к утренним звукам: птицы за окном, да-

лёкий гул первых машин, шорох метлы где-то на соседней улице.

Перед тем как спуститься, Хасу заварила себе бодрящий кофе. Смесь из корицы и семян льна, она всегда пила его по утрам, чтобы прогнать остатки сна. Горьковатый, с пряным послевкусием, он разливался по телу теплом, заставляя мысли собираться в кучу. Она выпила его медленно, маленькими глотками, стоя у окна на втором этаже.

Потом поставила чашку на стол, поправила волосы и пошла вниз открывать кофейню.

Её волосы сегодня были гладко уложены в косичку — толстую, тугую, которая доходила почти до пояса. Боковые чёлки лежали ровно, без единого завитка. Хасу уделяла этому особое внимание: аккуратная причёска отвлекала взгляд от того, что она скрывала под одеждой.

На первом этаже она перевернула вывеску с «Close» на «Open». Деревянная пластинка щёлкнула, вставая на место.

Потом открыла дверь широко, обеими створками, и принялась поднимать жалюзи на окнах. Одно за другим. Деревянные жалюзи с тихим шорохом скользили вверх,пуская внутрь утренний свет. Солнечный день ворвался в кофейню — яркий, тёплый и свежий. Он осветил каждый уголок: барную стойку, полки со специями, столы, стулья, подоконники, где обычно дремали кошки.

Хасу вышла на улицу вдохнуть свежий воздух.

В нос ударил целый букет запахов. Сырой асфальт после

вчерашнего дождя ещё мокрый, с тёмными лужами, в которых отражалось небо. Сладкий и нежный запах сакуры, он доносился с дерева у входа, где уже начали опадать первые лепестки и ещё где-то неподалёку, из десертного магазина, пахло свежее испечёнными таяки: тесто, сладкая красная фасоль, карамельная корочка. Там уже вовсю пекли, и аромат тянулся по всей улице, смешиваясь с влажным утренним бризом.

Хасу закрыла глаза.

Она подставила лицо солнцу — тепло легло на кожу, на веки, на губы. Она проснулась немного нервной: осадок от вчерашнего всё ещё сидел где-то глубоко. Но свежий воздух и утренний кофе сделали своё дело. Страх утих, тревога отступила на задний план, но не исчезла полностью.

Она вздохнула, открыла глаза и зашла обратно в кофейню.

Теперь нужно было подготовить кофемашину: прогреть, промыть, засыпать зёрна. Хасу делала это механически, привычными движениями. Включила питание, подождала, пока загорится зелёный индикатор, прокрутила пустую воду через носик, чтобы смыть пыль. Кофемашина тихо загудела — ровно, успокаивающе.

Первый посетитель зашёл почти сразу.

Это была девушка лет девятнадцати, её волосы были гладко уложены в высокий пучок из одной выбившейся пряди. Рабочий костюм; тёмно-синяя блузка и чёрные брюки аккуратно поглажен, без единой складочки. В руках она держала

маленькую кожаную сумку.

— Доброе утро, — сказала Хасу, поклонившись. — Какое кофе будете?

— Мне как обычно, американо, — ответила девушка, улыбнувшись краешками губ.

Она была постоянной клиенткой, заходила почти каждое утро перед работой. Хасу знала её вкус, но всё равно спрашивала каждый раз.

Хасу принялась готовить.

Её руки проворно и изящно парили над столом, ни одного лишнего движения. Она взяла чистую чашку, нагрела её горячей водой из носика кофемашины, слила. Насыпала на дно щепотку льна, корицы, цикория — всё на глаз, как делала всегда. Потом добавила совсем немного соли кончиками пальцев. Соль сбивала горькость кофе, делала вкус мягче.

Она вставила портафильтр, засыпала свежемолотые зёрна, разровняла, запрессовала — одно уверенное движение. Включила подачу воды. Тёмная густая струя потекла в чашку, смешиваясь со специями. Аромат поплыл по кофейне — насыщенный, глубокий, с пряными нотами.

Такое кофе бодрило намного лучше обычного. Оно давало энергию на всё тело не резко, а плавно, как хороший утренний заряд. Хасу называла его «Бодрое американо».

— Ваше кофе готово, — сказала Хасу, пододвигая чашку к краю стойки.

Девушка взяла её обеими руками, поклонилась и отошла

к столику у окна. Села, достала из сумки блокнот и начала что-то писать, время от времени отпивая маленькие глотки.

В кофейне уже начал гулять запах зерна и специй. Он смешивался с уличными ароматами. Запахи входили в открытую дверь и кружили по залу.

А пока клиентов не было, Хасу занялась рутинной работой.

Она взяла старую тяжёлую каменную ступку и начала молоть специи: лён, корицу, куркуму. Она делала это медленно, не торопясь.

Ведь куда ей спешить? Людей было не так уж много. Утренний час самый спокойный. Те, кто хотел кофе перед работой, уже зашли. Остальные появятся ближе к полудню.

Но во время того, как она молола, к ней пришли мысли — тяжёлые и тревожные. Они заставили её понервничать.

Её ищет Тамамо. Но для чего? Зачем? Неужели она решила навести на землю хаос? Но зачем ей это? Какой смысл? И кто вообще узнал о том, что последняя кицунэ всё ещё жива?

Хм... Много вопросов и ни одного ответа.

Хасу нахмурилась. Её брови сошлись к переносице, на лбу пролегла тонкая морщинка. Она сильнее надавила на пестик.

Если нет ответов, то и нервов больше. Так всегда бывает. Незнестность страшит сильнее любой угрозы.

Но как клиенты или прохожие могли узнать, что она кицунэ? Кто эти шпионы? И где они вообще могли её вычислить?

Она долгое время прятала свою сущность. Хвосты, уши, магию — всё было скрыто. Никакой магии днёмч даже когда очень хотелось: например, чтобы протереть пыль с верхних полок одним движением, она заставляла себя брать тряпку и лестницу.

Хасу задумалась и на миг перестала молоть, но потом продолжила.

«А может... я где-то применила магию? — подумала она. — Но не помню такого, чтобы я её применяла, я всегда аккуратна и внимательна».

Она перебрала в памяти последние дни. Вчерашний посетитель в чёрном плаще. Кошки, которые шипели на него. Он пил и не поморщился. Но магии она там не использовала только специи. Простые, земные специи.

Может, дело не в магии? Может, Тамамо нашла её не через магический след, а через кого-то из людей или через духов-предателей, которых Хасу не замечала?

Вскоре молотый лён был готов. Хасу засыпала его в стеклянную баночку аккуратно, через маленькую воронку, чтобы ни пылинки не упало мимо. Закрыла крышку, поставила на полку. Потом взяла палочки корицы — твёрдые, скрученные в трубочки и начала ломать их на мелкие кусочки, прежде чем засыпать в ступку.

Она уже взялась за пестик, как вдруг услышала, что в зале стало тихо, Хасу обернулась.

Девушка, которая сидела и пила кофе, ушла. На столе

осталась только пустая чашка и сложенная салфетка. Девушка просто тихо выскользнула, пока Хасу была увлечена специями.

Хасу отложила пестик, взяла по пути тряпку, висевшую на крючке у стойки, и подошла к столику. Вытерла столешницу круговыми движениями — никаких разводов, только чистота. Взяла чашку, под ней лежали купюры — немного больше, чем стоило американо. Девушка всегда оставляла чаевые, даже когда у неё самой были трудные дни.

Хасу положила деньги в карман кимоно и вернулась к барной стойке. Там, чуть дальше от основной зоны, стояла небольшая раковина — узкая, но глубокая. Она поставила чашку туда, открыла кран. Вода потекла: сначала холодная, потом чуть тёплая.

Она вымыла чашку губкой с мягкой стороны, ополоснула, поставила на настольную сушилку. Потом прополоскала тряпку, отжала, сложила и повесила сушиться на крючок. И уже собиралась вернуться к ступке с корицей, как вдруг услышала медленные и шаркающие шаги, будто человек ходил через силу.

— Милочка, здравствуй, — сказала пожилая женщина, остановившаяся у самого барного стола. — Не могла бы ты дать мне водичку? — Она слегка поклонилась, насколько позволяла её сгорбленная спина. — Буду очень благодарна.

Старушка стояла на одном костыле. Её кисти рук были скрещены поверх него, пальцы — узловатые, со вздутыми

суставами сжимали деревянную ручку. Она немного горбилась, так что её подбородок почти касался шеи. Лицо скрывала глубокая тень прожитых лет.

— Да, конечно, — сказала Хасу.

Она взяла чистый стакан, налила воду из кувшина и поставила на барную стойку. Бабушка уже подошла ближе, опираясь на костыль, шаркая тапками по деревянному полу. Хасу приподнесла стакан. Бабушка протянула руку, чтобы взять его.

И в этот момент Хасу случайно коснулась её пальцев. Она хотела просто передать стакан, неловкое движение, кончики пальцев встретились, но в ту же секунду Хасу почувствовала... холод и запах трупа — сладковатый и тошнотворный.

В этой бабушке было что-то неправильное. Хасу поняла это, её интуиция не могла ошибиться. На женщине лежало проклятье. Проклятье от ёкай и очень сильное, а в мире мёртвых самой сильной была... Тамамо.

Сердце Хасу пропустило удар.

«Получается... она выследила меня. А эта бабушка оказалась... её глазами?»

Мысли метались, как испуганные птицы. Если Тамамо нашла её через проклятую старуху, значит, она уже знает, где находится кофейня. Знает, как выглядит Хасу. Возможно, следит за ней прямо сейчас через эту сгорбленную фигуру.

Страх поселился внутри кицунэ. Если она сменит лавку сейчас, Тамамо пойдёт по следу. Проклятая бабушка уже ви-

дела её лицо, запомнила запах, может быть, даже оставила метку.

Но если остаться... остаться — значит ждать, пока Тамамо придёт сама.

Хасу зажмурилась на секунду, едва заметно, чтобы клиентка не заметила. Ни один путь не вёл к спасению. Оба в тупик.

Тем временем бабушка поставила пустой стакан на стол. Выпила всё до дна даже не поморщилась, хотя вода была холодной, а у старух обычно чувствительные зубы.

— Спасибо, милочка, — сказала она. Голос — сухой, скрипучий и склонила голову, развернулась и зашагала к выходу.

И только когда старуха ушла, Хасу позволила себе выдохнуть. Её руки дрожали. Она сжала крепко край кимоно. На лбу выступила холодная испарина.

Новые шаги, но теперь быстрые и спокойные. Хасу подняла голову, заставила себя улыбнуться.

— Доброе утро, — сказала она. Голос не дрогнул. — Что будете заказывать?

Вошёл мужчина в сером костюме с газетой под мышкой, и после выбранного заказа Хасу принялась готовить. Старалась не выдать свой страх и нервозность. Руки работали привычно: смололи зёрна, вспенили молоко, залили эспрессо, но мысли были далеко.

«Почему сейчас? — думала она, сдерживая слёзы, кото-

рые подступали к горлу. — Инари, неужели ты хочешь, чтобы я вышла из тени?»

Она поставила чашку перед мужчиной. Тот кивнул, не глядя, и забрал кофе.

Глава 4

Остался последний посетитель — молодой парень, который уже допивал свой капучино у окна. Он собрался уходить, оставив на барной стойке деньги. Уже взялся за ручку двери, как тут открылась дверь с другой стороны.

Вошёл тот самый незнакомец.

На нём был чёрный костюм и такой же чёрный плащ, но без шляпы. Хасу почувствовала знакомый холодок, который пробежал по спине, заставив её замереть на секунду. Она вытирала стол за последним клиентом, когда подняла взгляд на вошедшего.

Теперь она могла изучить его лицо.

Оно было непроницаемым. Ни улыбки, ни намёка на эмоции в глазах, только каменное выражение, которое не проявляло ровным счётом ничего. Изумрудные зрачки с красными крапинками внутри смотрели на Хасу изучающе. Брови чёрные пряди волос лезли ему в глаза, но он даже не пытался их убрать.

Хасу поклонилась ровно, спокойно, не придавая своему страху ни малейшего значения. Ни дрожи в руках, ни запин-

ки в голосе.

— Добрый вечер, — поприветствовала она его. — Какое кофе будете?

— То же самое, что было в прошлый раз, — сказал он. Голос был без эмоций и ровный.

Он направился прямо к барной стойке. Костыль в руке мерно стучал по деревянному полу.

— Хорошо, — ответила Хасу и побрела за стойку.

Она заварила ему «Золотой латте» с теми же ингредиентами, что и в прошлый раз: куркума, корица, цикорий, лён, кокосовое молоко, карамельный сироп и поставила чашку на стойку.

Тот взял её молча, развернулся на своих лакированных чёрных туфлях. Раздался короткий скрип подошвы по дереву, и он застучал костылём к угловому столику. Поставил кофе, сел лицом к окну и уставился в ночное небо Киото.

Дождя не было. Небо бывшее чистое, за ним проглядывали звёзды и полная луна.

Кошки при виде незнакомца зашипели все разом, будто по команде. Шерсть на их спинах встала дыбом, хвосты распушились. И они дружно побежали вверх, в свою комнату, даже не оглядываясь на хозяйку.

Хасу начала приводить барную стойку в порядок на завтрашний день. Вытирала всё тщательно, до блеска. Сегодня она была настороже. После той бабушки с костылем, после того как почувствовала запах трупа и проклятье, она теперь

боялась, что к ней могут прийти проклятые люди в любой момент.

Но в этот раз всё было спокойно.

Когда незнакомец допил кофе, он не ушёл. Остался сидеть на том же месте, положив руки на набалдашник костыля. Пальцы его лежали неподвижно, будто он застыл в ожидании чего-то.

Хасу уже закончила приводить в порядок барную стойку. Протёрла кофемашину снаружи, сняла и прополоскала сеточку на носике, вытряхнула отходы из портафилтра. Всё блесло.

Она подошла к входной двери и перевернула вывеску с «Open» на «Close».

Теперь к ней не зайдёт ни один новый клиент, но незнакомец всё ещё сидел в углу, и Хасу понимала: его нужно как-то сопроводить — вежливо, но твёрдо сказать, что лавка закрывается. Она подошла к его столику, открыла рот, чтобы сказать положенные слова, но он не дал ей этого сделать.

— Я знаю, кто вы, — сказал он.

Хасу замерла. Рот открылся и снова закрылся.

«А может, он ошибается? — подумала она про себя. — Может, это просто проверка?»

— И кто же я? — спросила она, приблизившись к столу и протянув руку к чашке, чтобы забрать её.

Но он перехватил её руку. Пальцы, холодные и шершавые, не дали ей забрать чашку.

— Вы кицунэ, — сказал он. — Дитя богини Инари. Вы с юности росли среди людей, чтобы скрыть свою сущность, когда перебили всех ваших соратников.

Он отвёл взгляд от окна и посмотрел на неё. Изумрудные глаза с красными крапинками смотрели прямо в её золотистые зрачки.

— А как вы... узнали? — спросила Хасу. Голос не дрогнул, она заставила его быть ровным, хотя внутри всё тряслось.

— Это неважно, — ответил он. — Важно то, что вас уже нашла Тамамо, и вам надо скрыться от неё, пока она не приставила к вам в виде клиентов они и охотников на демонов — тех, кто должен перебить всех демонов, но в итоге сами же оказались на стороне ёкаев и главной Тамамо.

Хасу сглотнула.

— Кто вы? — спросила она.

— Это неважно, кто я, — отрезал он. — Но знайте: я на вашей стороне и я помогу вам скрыться от Тамамо. Я знаю, на что она способна. Она не только хитра, она сильна, так же, как и вы, но вам одной с ней не справиться. Рано или поздно в бою с Тамамо вы не сможете победить.

— Почему? — выдохнула Хасу.

Незнакомец замолчал на минуту.

— У неё, как и у вас, девять хвостов, — сказал он наконец.

Он встал из-за стола и подошёл к двери. Костыль стучал по полу. Хасу осталась стоять у столика, не в силах пошеве-

литься.

— Я буду неподалёку, — сказал он, не оборачиваясь. — А вы можете спокойно спать.

Он открыл дверь. Колокольчик звякнул коротко и резко, но тут же остановился.

— И да, — добавил он, — я убил ту бабушку.

Сказал и вышел. Дверь за ним закрылась. Хасу осталась одна посреди зала. Она хотела спросить «зачем?», но слова застряли в горле. Внутри неё шевельнулся какой-то ответ — смутный, неоформленный, который она не могла вытащить на поверхность.

Она стояла и смотрела на закрытую дверь, а потом слёзы потекли сами.

Хасу не выдержала. Всё, что копилось внутри: страх за свою жизнь, шок от того, что Тамамо уже знает о ней, холодное прикосновение проклятой бабушки, уверенный голос незнакомца, всё это вырвалось наружу.

Чашка с тарелкой, которые она так и держала в руках, упали на пол. Бамс... Разлетелись на осколки. Белый фарфор рассыпался по деревянному полу.

Хасу закрыла лицо руками и заплакала тихо, без звука, только плечи дрожали. Она хотела спокойной жизни. Хотела варить кофе, молоть специи и смотреть, как уходят посетители с лёгкой улыбкой. Но теперь этой спокойной жизни ей больше не видать. Теперь за ней начнут охотиться: они, охотники на демонов и сама Тамамо. А она не хотела поки-

дать своё кафе, не хотела бросать лавку, которую строила так долго, прячась, переезжая, начиная заново столько раз, что уже сбилась со счёта.

Когда слёзы закончились, Хасу вытерла лицо рукавом кимоно. Встала, взяла совок и веник из угла, они стояли за кофемашиной и подмела осколки. Белые черепки со звоном падали в совок. Хасу высыпала их в мусорное ведро под стойкой.

Потом подошла к окнам и начала закрывать жалюзи. Одна за другой с тихим стуком деревянные ламели опускались, отсекая ночной свет. Но перед тем как закрыть последнее окно, она выглянула на улицу. Хотела убедиться: тот незнакомец действительно её защищает? Или он на самом деле ушёл и это были просто пустые слова?

Вдали, в темноте, она разглядела мужскую фигуру. Он стоял в углу у соседнего здания неподвижно, опираясь на ко-стыль.

Хасу тут же опустила жалюзи до конца, задвинула задвижку и потушила свет в зале. Лампы погасли. Остался только тусклый отсвет из кухни.

«Кто же он? — думала Хасу, стоя в темноте. — Если он на моей стороне, не может ли это значить, что он прибыл из моего мира? Из мира духов?»

Она решила: завтра же отправит свою кошку в Такамага-хара и узнает, кто он такой. Может, дракон. Может, дух-за-щитник. Может, кто-то, кого богиня Инари послала ей на

помощь, а может — никто.

Хасу поднялась по лестнице на второй этаж. Кошки пошли за ней по пятам все до одной, молча, без единого мяуканья. Они чувствовали её состояние. Она открыла дверь в свою комнату и вошла.

Вздохнула устало, тяжело, с дрожью в голосе, будто снова готова была заплакать. Убрала с головы резинку и распустила косу. Волосы рассыпались по спине. Присела на подушку возле низкого стола. Выпустила из пальцев магию — белую, мягкую; она скользнула в сторону кухни, и через минуту на столе уже появилась чашка с чаем.

Хасу начала пить маленькими глотками, глядя в одну точку на стене. Она думала о незнакомце. Кто же он всё-таки? Думала о Тамамо, о том, что та уже знает, где она, о том, что одна она не справится, как и сказал незнакомец. У них обеих по девять хвостов. Но у Тамамо — тёмная сила, пропитанная ненавистью и ложью, а у неё, Хасу, — светлая, от самой Инари.

Этого ли достаточно?

Когда чай был допит, Хасу почувствовала, как напряжение немного отпускает. Тепло разлилось по телу, успокоило сердце, но страх внутри остался.

Хасу встала. Сняла с себя кимоно, нижние слои, осталась в белой короткой рубашке. Кошки, как и вчера, начали сливаться с её телом — одна за другой, исчезая в коже на спине. Она выгнулась, принимая лисий облик.

Пол стал ближе, нос почувствовал запах татами и старого дерева. Позади распустились девять хвостов, рубаха упала на пол. Хасу взяла её зубами, отнесла в спальню. Её магия открыла сёдзи, пропустила внутрь и закрыла за ней.

Она легла в футон, свернулась клубком и хвосты сами собой укутали её со всех сторон.

Глава 5

Хасу не могла уснуть этой ночью.

Она ворочалась в своём футоне, хвосты то сжимались вокруг тела, то распускались. В голове гудело. Чувства гложили её изнутри: тревога, непонимание, тупое беспокойство, которое не давало закрыть глаза. И еще одна мысль не давала покоя: кто же этот незнакомец? Кто он такой, что знает о ней всё? Кто он такой, что убил проклятую бабушку и говорит об этом спокойно?

Хасу так и не уснула по-настоящему. Только под утро задремала на час-другой, но встала разбитой, с тяжёлой головой.

Утром она открыла кофейню как обычно: перевернула вывеску, подняла жалюзи, включила кофемашину. Но первым делом, ещё до прихода клиентов, она отправила свою кошку в мир духов — в Такамагахара. Кошка моргнула жёлтыми глазами, метнулась к двери и исчезла.

Хасу выдохнула. Теперь оставалось только ждать.

Она уже начала раскладывать специи на барной стойке — лён, корицу, куркуму, бадьян, когда дверь открылась.

Дзiiiiиннь.

Вошедшего она узнала сразу, но выглядел он иначе. Теперь на нём не было чёрного плаща и шляпы. Он был одет как обычный житель города: бежевая жилетка поверх белой рубашки, серый галстук, завязанный аккуратным узлом. На носу — очки в квадратной оправе, которые делали его похожим на студента. В руках он держал толстую книгу — учебник по философии и магии, судя по тиснению на обложке.

— Доброе утро, Хасу-сан, — сказал он, поправив кончик очков указательным пальцем. — Вижу, вы только открыли кофейню. Это хорошо.

Он прошёл к дальнему столу у окна и сел. Положил книгу на стол, раскрыл на середине.

— Кофе мне, пожалуйста, «Золотое латте».

Хасу выдохнула тихо, чтобы он не услышал. Теперь этот незнакомец будет сидеть здесь целыми днями. Наблюдать за людьми, за ней, за всем, что происходит в кофейне.

Она сделала ему кофе с той же рецептурой, что и раньше. Поставила чашку на стол. Дзин кивнул, не поднимая глаз от книги. Хасу вернулась за стойку.

И тут в кофейню зашёл мужчина. Он был среднего роста, в сером пальто, с чёрной кожаной сумкой через плечо. На вид — обычный прохожий, каких сотни каждый день проходят по улицам Киото. Но Дзин насторожился: Хасу заметила, как

его глаза сузились, как он чуть приподнял голову над книгой. Не подал виду, но стал наблюдать.

Хасу тоже насторожилась. За версту от этого человека повеяло мёртвым холодом. Мужчина подошёл к барной стойке. Улыбнулся странно, не так, как улыбаются люди: слишком широко.

— Здравствуйте, — сказал он. Голос оказался скрипучим. — У вас есть капучино? Простое?

— Да, есть, — ответила Хасу. Голос был ровным и спокойным.

— Тогда сделайте мне его.

Хасу кивнула и принялась за кофе. Она достала чашку, засыпала зёрна, включила кофемашину. А пока тёмная струя эспрессо текла в чашку, она незаметно добавила одну специю. Обычная соль, но не простая, а заряженная её магией. Человек в этой соли не почувствует ничего, кроме вкуса, который перебивает горечь, а вот любая нечеловеческая тварь может себя выдать.

Хасу вспенила молоко, аккуратно влила его в кофе, сделала маленький рисунок на пенке — сердечко. Поставила чашку перед мужчиной.

— Ваш капучино, — сказала она.

— Благодарю, — ответил тот и отошёл к столику у стены.

Дзин всё так же сидел, наблюдая из-под книги. Его глаза следили за каждым движением мужчины. Тот сел слишком прямо — не так сидят обычные люди. Позвоночник вытянут

в струну, плечи расправлены, будто он не на стуле сидит, а на троне. Зрачки широкие, неестественно широкие, почти на весь глаз.

Он поднёс чашку к губам и глотнул и в тот же миг что-то пошло не так. Его человеческая оболочка будто растворилась прямо на глазах у Хасу: кожа посинела, глаза засветились жёлтым, из лба вылез короткий изогнутый рог. Мускулы вздулись, разрывая рукава пальто. Рот растянулся в широкой улыбке, обнажив острые клыки.

Они. Поганое существо. Вечно голодное и злое.

Хасу попятилась к стене. Дзин не двигался. Только медленно закрыл книгу, положил её на стол и встал. Он достал из кармана жилетки обычную шариковую ручку, колпачок с драконом. Хасу расширила глаза.

Обычная ручка? Ею же не защититься.

Но когда Дзин сжал её в кулаке, ручка изменилась. Пластиковый корпус вытянулся, засветился серебром, превращаясь в длинный прямой меч. На рукоятке проявилась голова дракона. Удивление на лице Хасу сменилось настороженностью. Она сжала край стойки, наблюдая за ним. Кто же он?

Дзин шагнул вперёд. Меч в его руке блеснул. Они увидели его и сразу узнали. Глаза-щели расширились. Он резко вскочил, опрокинув чашку. Кофе разлился по столу, закапал на пол. Они зашагали назад, пятась к выходу, но путь к двери перекрывал Дзин.

— Ты... — прохрипел он. — Ты же...

— Я, — спокойно ответил Дзин и бросился в атаку.

Меч описал дугу в воздухе. Он увернулся резко, нечеловечески быстро, и оказался за спиной Дзина. Когтистая рука взметнулась для удара. Хасу не стала ждать. Она метнулась к барной стойке, схватила с верхней полки банку с красным перцем — острым и жгучим. Выхватила горсть и своей магией швырнула её прямо в лицо они.

Он зашипел, заорал. Глаза заслезились, кожа на лице покраснела и начала пузыриться. Он схватился за морду, отступил на шаг, и этого мгновения Дзинухватило. Меч свистнул в воздухе.

Голова они отделилась от тела и с глухим стуком покатилась по полу. Из шеи хлынула зелёная кровь — густая, вонючая, с запахом тухлого мяса и болотной тины. Хасу зажала нос рукавом кимоно. Тело они постояло секунду, покачнулось и начало растворяться. Сначала пальцы, потом руки, туловище. Всё исчезло, не оставив после себя ничего: ни крови, ни костей. Только зелёное пятно на полу, которое быстро высыхало.

Дзин выдохнул. Меч в его руке сжался, засветился и снова превратился в обычную ручку. Он убрал её в карман жилетки. В кофейне стоял тяжёлый запах гнилой плоти. Дзин подошёл к двери, распахнул её настежь, чтобы выветрить вонь. Утренний воздух ворвался внутрь, смешиваясь с кофейным ароматом.

— Я бы и сам справился, — сказал Дзин, не оборачиваясь.

— но спасибо.

Хасу подняла на него глаза. Внутри всё дрожало от адреналина, от того, что она только что видела. Но голос не дрогнул.

— Можно узнать хотя бы ваше имя? — спросила она.

Он повернулся к ней.

— Зовите меня Дзин, — сказал он.

— Хорошо, — кивнула Хасу.

Он вернулся к своему столику, сел и снова открыл книгу. Но Хасу заметила, что он не читал, а смотрел, то на дверь то на окна, где мелькали люди.

— Прислужники Тамамо могут прийти снова, — сказал он, не поднимая головы. — Будьте настороже. Среди них есть очень опытные. Такие, против которых ни одна ваша специя не поможет.

Он помолчал, но потом спросил:

— А у меня вопрос: что у вас за специя была?

— Красный перец, — Хасу ответила и почти улыбнулась. Дзин чуть кивнул.

— А откуда вы берёте эти... специи?

— У людей беру, — сказала Хасу. — Обычные, с рынка. Но потом накладываю на них свою магию для каждого предназначения. Каждая специя несёт в себе характер и эмоцию. Корица — для мягкости, лён — для ясности и так далее.

— Понятно, — сказал Дзин и вернулся к книге.

Остальной день прошёл как обычно. Люди приходили

обычные: студенты с ноутбуками, пенсионеры с газетами, молодые мамы с колясками. Хасу варила кофе, улыбалась, кланялась. Но Дзин и Хасу были настороже всегда. Взгляд Дзина то и дело скользил по залу, оценивая каждого нового посетителя.

Но признаков других они не было. Когда наступил вечер, Хасу начала закрываться. Она уже перевернула вывеску и опустила жалюзи на половину окон, когда к ней пришла кошка из Такамагахара. Она запрыгнула на барную стойку и села, глядя на хозяйку жёлтыми глазами.

Дзин тоже начал уходить. Он закрыл книгу, положил её под мышку и подошёл к двери.

— Я буду здесь неподалёку, — сказал он. — Всю ночь.

— Может, вы останетесь здесь? — предложила Хасу. — У меня есть свободная комната наверху. Небольшая, но там есть фuton.

— Не стоит, — ответил Дзин. — Я не нуждаюсь во сне.

— Почему? — Хасу нахмурилась. — Вы же человек, так ведь?

Дзин взглянул на неё. В его глазах изумрудных, что-то мелькнуло, но он ничего не сказал.

— Не могу сказать, кто я, — произнёс он. — Пока не могу. И вышел из кафе.

Дзiiiiiiiiиннь. Дверь закрылась.

Хасу заперла её на засов, опустила оставшиеся жалюзи, выключила свет в зале. Поднялась к себе в комнату. Кошки

пошли за ней по пятам. Она села на подушку у низкого стола. Выпустила магию, и на столе появилась чашка с чаем. Выпила половину. Потом поставила чашку и призвала кошку.

Кошка запрыгнула на колени, замурлыкала. Хасу закрыла глаза, коснулась её мыслей, и перед внутренним взором поплыли картинки.

Дворец в Такамагахара. В большом зале.

Мияко, главная драконица, сидела на троне, окружённая своими драконами. Перед ней парили духи-близнецы.

— Они узнали, где находится Хасу, — сказали духи. — Последняя лисица богини Инари.

— С ней всё хорошо? — спросила Мияко. На её лице отразилась тревога, смешанная с надеждой.

— Да, ваше величество, — ответили духи. — Она в надёжных руках у господина Дзина.

Мияко выдохнула с облегчением.

— Прекрасно, — сказала она. — Надеюсь, он не подведёт.

— Не беспокойтесь, — ответили духи. — Дзин никогда не примкнёт к Тамамо. Он ненавидит её больше, чем кто-либо в этом мире.

Мияко посмотрела на них долгим взглядом.

— Хорошо, — сказала она. — Её нужно привести к нам, но как?

— Ваше величество, она в надёжных руках. Когда спра-

вимся с Тамамо, тогда она сможет прийти к нам.

Мияко горько усмехнулась.

— Кто же с ней справится? Уже тысячу лет мы не можем победить Тамамо. Уж слишком она сильна.

— Не такая она сильная, ваше величество, — мягко сказали духи. — Зло никогда не бывает по-настоящему сильным. Оно только кажется таким.

Мияко закрыла глаза.

— Сколько она погубила наших самураев, — прошептала она. — Ни один с ней не справился. Вы видели, насколько сильными стали охотники? Они теперь на её стороне.

— Видели, ваше величество, — ответили духи. — Но Хасу приобрела девять хвостов. По рассказам Дзина, она тщательно скрывает их под магией кошками, но она сильна. У них с Тамамо равные силы, а если Хасу будет биться вместе с Дзином, её сила вырастет вдвойне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.